

ПАРТИЗАНСКИЙ АЭРОДРОМ

«Вот и еще один партизан ранен тяжело, а сколько их уже лежит в партизанском лазарете, и теми скудными, примитивными средствами, которые есть у врача под руками, ничего нельзя сделать, невозможно поднять их на ноги, нет никаких условий для сложных операций. Нужно переправить раненых на Большую землю. А как? Ох, как нужен, просто жизненно необходим аэродром».

В который раз эта мысль об аэродроме, способном принимать самолеты из Москвы, тревожит Пинский подпольный обком партии и штаб соединения. Она не дает уснуть его руководителям, настойчиво и упорно преследует всюду, врываясь властно в решение всех вопросов партизанских будней: и во время подготовки и разработки боевых операций, когда на счету каждый грамм тола, и когда приходит, горестно разводя руками, начальник санслужбы соединения Николай Иванович Воронович и почти с отчаянием говорит об отсутствии самых элементарных медикаментов, без которых в их жизни, наполненной постоянными, ежедневными стычками с врагом, просто невозможно обойтись; и когда вплотную, остро поднимается вопрос о связи и работе с населением. Ведь крестьяне тревожатся, живут мыслями: «А как там, на фронте?» Очень нужен аэродром.

Но как его построить? Как сделать это под носом у врага, если все время идут бои, если каратели преследуют, бросают в бой всю свою новейшую технику, если... Сколько их, этих «если»? И все-таки надо что-то придумать.

Тяжелая, вся пропитанная шорохами ночь укрыла партизанскую базу. Красивое место: могучие деревья торжественно качают своими величественными головами, воздух напоен ароматом трав, который не может истребить никакая сила, а ночь теплым одеялом укрывает

ла, как мать, своих уставших от бесконечных боев сыновей. Где-то чуть-чуть слышится песня:

В чистом поле, поле под ракитой,

Где клубится по ночам туман,
Там лежит в сырой земле
Зарытый,
Там схоронен красный партизан.

Да, песня! Она здесь тоже хозяйка, а не гостья. Странно устроен человек: какие лишения сейчас им, поющим песню, приходится переносить, что их ждет завтра, а поют люди, потому что песня — это жизнь.

Кто будет строить аэродром? Своими только силами эту работу не выполнить. Здесь нужна активная помощь населения. Строить будут те самые крестьяне, которые кормят их, помогают им во всем, — те самые, больше никому.

А как строить? Аэродром не лесная дорожка или полянка — это большая площадка, которую не спрячешь от глаз врага, методически изучающего с воздуха лесную карту.

Что же с тобой сделали, родная моя Беларусь, если твои кровные дети должны скрываться в собственном доме? Но ты прятать их надежно, ты расставила много ловушек врагу: ненавистью встречают его рыжеватые-зеленые глаза твоих болот, боится он твоих дремучих лесов. Беларусь! Вся залитая кровью, обожженная, истерзанная, разграбленная, ты гордо поднимаешь свою зеленую голову, твои синие глаза-реки темнеют от гнева.

Летняя ночь, короткая, душная, уже на исходе. Прсыпается лес. Где-то далеко-далеко начинает звать небо, а внизу еще темно, но вот уже и верхушки деревьев

А. КЛЕЩЕВ,
первый секретарь бывшего
Пинского подпольного обкома
партии, Герой Советского Союза,
генерал-майор.

осветились перелетными лучами солнца, весело закивали своими головами сосны, обласнанные свежим утренним ветерком; засияла ладчиком уже воспринимается зрительно, кипит работа, раскладываются костры, чтобы обеспечить точную посадку, слышен гул самолетов — аэродром живет.

Внешне бесстрастные, слышатся слова: «Площадка для аэродрома выбрана в окрестностях деревни Новина Лунинского района, ее местоположение определяется следующими преимуществами: центральная часть партизанской зоны, в строительстве примут участие жители соседних деревень. Размеры аэродрома: 1.600 метров с востока на запад, 690 метров с севера на юг. Техническая часть проекта разработана совместно с партизаном отряда имени Щорса Гиревским, бывшим техником. Большое участие в детализации проекта принимал офицер связи Центрального штаба Якубовский».

Началось обсуждение проекта: даже не верится, что уже наступил конец всем мучительным раздумьям, связанным с аэродромом, что это необычное строительство теперь не мечта, а реальная действительность. При всей суровости и трезвости рассуждений нельзя удержаться рвущееся наружу ликование. Гордый народ мой, взрастивший детей своих, будет строить аэродром в то время, когда сполохами пожаров озарено небо его Отчизны, когда идут грозные бои под Орлом и Курском, когда фашисты стигают к этому плацдарму силы; когда ненавистные «тигры» и «пантеры», лязгая железом и поливая смертоносным ливнем металла, кромсают твою землю; когда сверху льется дождь смерти. В это время дети твои будут гро-

хотительно решиться вопрос о строительстве аэродрома.

На заседании подпольного обкома партии начальник штаба соединения Николай Степанович Федотов, сдержанный, подтянутый, излагает проект. Тот аэродром, о котором они все мечтают, докладчиком уже воспринимается зрительно, кипит работа, раскладываются костры, чтобы обеспечить точную посадку, слышен гул самолетов — аэродром живет.

Внешне бесстрастные, слышатся слова: «Площадка для аэродрома выбрана в окрестностях деревни Новина Лунинского района, ее местоположение определяется следующими преимуществами: центральная часть партизанской зоны, в строительстве примут участие жители соседних деревень. Размеры аэродрома: 1.600 метров с востока на запад, 690 метров с севера на юг. Техническая часть проекта разработана совместно с партизаном отряда имени Щорса Гиревским, бывшим техником. Большое участие в детализации проекта принимал офицер связи Центрального штаба Якубовский».

Началось обсуждение проекта: даже не верится, что уже наступил конец всем мучительным раздумьям, связанным с аэродромом, что это необычное строительство теперь не мечта, а реальная действительность. При всей суровости и трезвости рассуждений нельзя удержаться рвущееся наружу ликование. Гордый народ мой, взрастивший детей своих, будет строить аэродром в то время, когда сполохами пожаров озарено небо его Отчизны, когда идут грозные бои под Орлом и Курском, когда фашисты стигают к этому плацдарму силы; когда ненавистные «тигры» и «пантеры», лязгая железом и поливая смертоносным ливнем металла, кромсают твою землю; когда сверху льется дождь смерти. В это время дети твои будут гро-

хотительно решиться вопрос о строительстве аэродрома.

На заседании подпольного обкома партии начальник штаба соединения Николай Степанович Федотов, сдержанный, подтянутый, излагает проект. Тот аэродром, о котором они все мечтают, докладчиком уже воспринимается зрительно, кипит работа, раскладываются костры, чтобы обеспечить точную посадку, слышен гул самолетов — аэродром живет.

мать закладных врагов и здесь, в тылу, на временно оккупированной территории.

Начались страдные дни. Крестьяне окрестных деревень, молодые и пожилые, партизаны, свободные от боевых заданий, буквально вгрызались в работу. Проклятая война до сих пор требовала от них только разрушений, а теперь пришел радостный час созидания. Аэродром — это последний пролет моста, по которому скоро начнется движение, это связь с Большой землей.

Руки мужиков, истосковавшихся по настоящей работе, творили чудеса. Глухие удары топоров по стволам деревьев, пение звонко-голосых пил — радостная музыка труда наполнила лес. Вот падает вековой красавец дуб, но не со стоном сожаления о загубленной жизни — дуб падает с силой, со звоном, всей своей тяжестью принимает кусты, уплотняя землю. Рядом с ним сосна, прямая, с гордо посаженной зеленой головой, звенит, приветствуя труд людей. Стройная березка уступает свое место людям. Шум и грохот в лесу: шум ненависти к фашистской заразе, грохот торжествующего труда.

Скрипят упряжка волов. Сильные, выносливые животные тянут с площадки деревья, выдергивают пни, тащат дубовые катки в тонну и более весом, трамбуют землю. На площадке, как в растревоженом улье, черно от людей, все движется, гулом полнится день — кипит работа. Размеры-то большие — свыше одного квадратного километра будет занимать партизанский аэродром.

Из Челонца и Пузич, Новины и Рахович, Гоща и Березников, Гриничович и Вейно, Тимошевич и Хоростова пришли сюда люди. Пять тысяч человек во вражеском тылу строят аэродром! 280 волов работают на площадке. Мужчины и женщины, забыв об отдыхе, в ветхой одежке, в лаптях, под свистом бомб, днем и ночью работают, создают. Что заставляет их в таких нечеловеческих трудных условиях, пользуясь только топором, пилой и лопатой, самозабвенно трудиться? Что? Об этом никто никогда не говорит, это живет в каж-

дом из той, является характернейшей чертой их жизни — святое чувство ненависти к поработителям и нежное, теплое чувство любви к Родине, которое нельзя объяснить никакими словами. Его можно только носить в себе, а проявит оно себя обязательно, проявит во всем; и в большом, и в малом. Пять тысяч братьев и сестер живут, как один человек, борются, строят.

Первые контуры аэродрома уже можно различить: это большая открытая площадка, земля на ней утрамбована до каменной твердости, каждый работающий слышит в душе своей музыку родного самолета, видит его приземлившимся. Трехнедельный труд подходит к концу, можно ставить точку и отправлять донесение в Москву.

В этой огромной радости окончания работ есть и тяжелая минута: молча снимают шапки, чтобы почтить память тех, кто не дожид до этого часа, кто погиб, как солдат, на боевом посту.

...Августовская ночь. Притихший темный лес дышит, как уставший за день работник. Трудно поверить, что несколько дней назад здесь все бурлило, шумная разногласица оживляла лес. Только на аэродроме чуть-чуть угадываются смутные очертания людей — там вдут приготовления к приему первого самолета. Приближаются торжественные минуты долгожданной встречи. Тихь, охватившую все вокруг, прорезал еле слышный вначале, все возрастающий гул мотора. «Ура!» — раздалось на аэродроме, вспыхнули костры, обозначая посадочную полосу, самолет сделал разворот и пошел на посадку, приветствуемый взрывами ликования. Не стеснялся слез, сжавших горло, струящихся по щекам, люди ждали, когда остановится посланец родной Москвы. Все бросил к самолету, как только он замер, и летчик, выбравшийся из люка, тут же взлетел в воздух, подброшенный руками людей. А еще через минуту летчик Николай Таран уже распоряжался выгрузкой: боеприпасы, медикаменты (то-то обрадуется Николай Иванович, дорогой доктор), газеты, журналы — все быстро и четко было

бережно уложено на земле. Летчик удивленно смотрел на аэродром — настоящий, надежный. Обратным рейсом самолет взял тяжелораненых.

Первая ласточка обеспечила хорошую, устойчивую погоду: по нескольку самолетов в ночь принимал партизанский аэродром. Эти ночные прилеты были праздником для партизан, для населения окрестных деревень, а молодежь встречала ночью самолеты на аэродроме, восхищаясь мужеством летчиков.

Начальник аэродрома Трофим Ефимович Руденя, председатель пограничного колхоза, умелый организатор, так четко наладил работу аэродромной службы, что не только Пинское соединение, но и Брестское, Копыльское, Украинское соединения С. А. Ковпака, спецотряд капитана Черного (Ванова И. Н.) получали все необходимое. В течение почти целого года, вплоть до освобождения, партизанский аэродром действовал бесперебойно, надежно обеспечивая связь с Большой землей.

Среди партизан, местного населения не было человека, который бы не отдал дань уважения летчикам, обслуживающим эту воздушную линию жизни в жестоких условиях войны. Не было и среди летчиков человека, который не выразил бы своего восхищения подвигом людей, построивших этот аэродром в сложнейшей обстановке.

Аэродром был настолько обстойательно и надежно сделан, что в период наступления Советской Армии самолеты ВВС 1-го Белорусского фронта пользовались этой площадкой.

...Вот и вся история партизанского аэродрома, на месте которого сейчас в мирные дни шумят тучными урожаями поля колхоза «Партизанский край» Лунинского района. Это рассказ о тех простых людях, которые не форсировали Днепр, не штурмовали Берлин, но своими топорами и пилами тоже строили здание Победы.

З А Р Я
19 мая 1965 г. 3 стр.